

DOI 10.15826/izv2.2018.20.3.044

УДК 94(470)“1917” +

+ 94(470)“1917/1922” + 325.1

И. В. Нарский*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)*

Челябинск, Россия

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, МИГРАЦИЯ И ГУМАНИТАРНАЯ КАТАСТРОФА В РОССИИ 1917–1922 гг.*

Движение народонаселения России в годы революции и Гражданской войны было отмечено беспрецедентной динамикой и имело формативный характер. В статье анализируются факторы, воздействовавшие на движение населения в 1917–1922 гг. Они условно разделены на связанные с рождаемостью и (естественной и насильственной) смертностью и с (вынужденными) передвижениями внутри страны и за ее пределы. Хотя статистика движения населения весьма приблизительна и неполна, фрагментарна и ненадежна, количественные данные о состоянии страны и протекании различных социальных процессов, собранные и обработанные сотрудниками статистических служб на территории России в годы революции и Гражданской войны, позволяют создать ориентировочное представление о демографических аспектах русской революции. Методологически статья ориентируется на «пространственный подход», а именно на различие географически фиксируемой территории и социально конструируемого пространства. К ведущим формам миграции населения внутри страны в годы революции и Гражданской войны отнесены передвижения армий и сопровождавшее их бегство, а также перемещения населения между городом и деревней, включая мешочничество и бегство из деревни в город ради спасения от голода, а также межрегиональные движения горожан и особенно крестьян в поисках урожайных, «сытых» земель. Миграционные практики широких слоев российского населения в значительной степени опирались на богатый прежний опыт и позволяли ему, таким образом, и в экстраординарных условиях революции и Гражданской войны оставаться в рамках собственной культуры. Вместе с тем разразившаяся в революционной России демографическая катастрофа и рост удельного веса населения, выброшенного на обочину, свидетельствуют об ограниченном успехе миграционных практик населения в 1917–1922 гг.

Ключевые слова: революция; Гражданская война; движение населения; катастрофа.

Цитирование: Нарский И. В. Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917–1922 гг. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 44–58.

*Поступила в редакцию 25.06.2018**Принята к печати 09.07.2018*

---

* Статья написана на основе выступлений на международном научном семинаре «Перекрестки транс-континентальной и транснациональной миграции в Российской империи / СССР середины XIX – XX вв.», Челябинск, 9–10 сентября 2016 г. и на научном colloquium, посвященном 100-летию российской Революции, организованном Совместной комиссией по изучению новейшей истории российско-германских отношений, 6–7 июля 2017 г.

© Нарский И. В., 2018

Igor V. Narsky

South Ural State University
(National Research University)
Chelyabinsk, Russia

THE CIVIL WAR, MIGRATION, AND HUMANITARIAN DISASTER IN RUSSIA BETWEEN 1917 AND 1922

The movement of the Russian population in the years of the Revolution and the Civil War was characterised by an unprecedented dynamic and had a formative character. The article analyses factors that influenced the movement of the population between 1917 and 1922. They are roughly divided into factors connected with birth rates and death rates (either natural or violent) or linked to (forced) migrations inside and outside the country. Despite the fact that the statistics on the population movement are very inaccurate, incomplete, and unreliable, the quantitative data on the state of the country and the course of various social processes that employees of statistical services collected during the Revolution and the Civil War help draw an approximate idea of the demographic aspects of the Russian Revolution. Methodologically, the paper is based on the “spatial” approach, i.e. the distinction between geographical territories and social spaces. Among the main forms of migration of the population within the country in the years of the Revolution and the Civil War, the author singles out the first movements of armies and the concurrent waves of refugees, and secondly, population movements between rural and urban areas, including profiteering in grain and scarce merchandise and peasants’ flight from the countryside to the city to save themselves from hunger; and, thirdly, the interregional movements of citizens, and especially of peasants, in search of fertile lands. The migratory practices of the population were largely based on the rich experience of the past and, consequently, allowed it to remain in the framework of its own culture under the extraordinary conditions of the Revolution and the Civil War. However, the onset of a demographic catastrophe and the growing proportion of marginalised population point to the fact that the migration processes in Russia between 1917 and 1922 did not prove entirely successful.

Key words: revolution; civil war; population movement; disaster.

Citation: Narsky, I. V. (2018). Grazhdanskaia voina, migratsia i gumanitarnaia katastrofa v Rossii 1917–1922 gg. [The Civil War, Migration, and Humanitarian Disaster in Russia between 1917 and 1922]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 3 (178), 44–58.

Submitted on 25 June, 2018

Accepted on 09 July, 2018

Ткани, ткани, лучше всего в отрезе, но по дороге досматривают, и это опасно. Благоразумнее в кусках, для вида сшитых на живуху. Вообще материи, мануфактуру, можно одежду, предпочтительно верхнюю, не очень ношенную. Поменьше хламу, никаких тяжестей. При частой надобности перетаскивать все на себе, забыть о корзинах и чемоданах. Немного, сто раз пересмотренное, увязывать в узлы, посильные женщине и ребенку. Целесообразны соль и табак, так показала практика, при значительном, однако, риске. Деньги в керенках. Самое трудное — документы [Пастернак, с. 188].

Приведенный развернутый перечень соображений, продиктованный опытом втянутого в кочевую жизнь населения революционной России и вложенный Б. Л. Пастернаком в уста одной из героинь романа «Доктор Живаго», может быть использован в качестве введения в проблематику движения населения во время русской революции и Гражданской войны. Миграция в те годы была отмечена беспрецедентной динамикой и имела формативный характер для протекания событий и процессов. В этой связи исследование движения народонаселения России в годы революции и Гражданской войны 1917–1922 гг. представляется одним из ключей к пониманию их хода и исхода. Однако по понятным причинам изучение демографии Гражданской войны сопряжено с труднопреодолимыми препятствиями. Статистика движения населения весьма приблизительна и неполна, фрагментарна и ненадежна. По отдельным процессам, например, по естественному движению населения 1917–1921 гг., сведения отсутствуют почти полностью. Этим объясняются неизбежные разночтения в цифровой информации, которой располагают и оперируют историки¹. Вместе с тем, количественные данные о состоянии страны и протекании различных социальных процессов, собранные и обработанные работниками статистических служб на территории России в годы революции и Гражданской войны, позволяют создать ориентировочное представление о демографических аспектах русской революции.

Население Российской империи накануне Первой мировой войны насчитывало около 166 млн человек и к началу 1923 г., по ожиданиям специалистов, в условиях мирного существования должно было вырасти до 207,5 млн человек. Между тем, на территории СССР в 1923 г. проживало всего 137,5 млн жителей. Убыль 70 млн человек, или трети ожидаемой численности, не поддается иному определению, кроме как демографическая катастрофа. Утратив 30–32 млн жителей в результате усеечения территории, 2–3 млн вследствие массовой эмиграции и 20–22,5 млн из-за косвенных демографических потерь, страна потеряла за 1914–1922 гг. около 20 млн человек – жертв прямой демографической убыли. Из них 2 млн человек погибло во время мировой войны. Преобладающая часть потерь падает на 1917–1922 гг. Согласно одной из оценок, в эти годы на территории будущего СССР погибло 16–18 млн человек. Среди них 5–6 млн умерло от голода, около 3 млн — от болезней, 3 млн — на полях сражений гражданской войны; жертвами «белого» террора стали 200–250 тыс. человек, «красного» — 500 тыс. человек.

Беспрецедентную убыль населения в революционной России можно интерпретировать как одно из выражений и следствий массовой миграции. Факторам, ее поощрявшим, формам, в которых она воплощалась, и эффектам, к которым она привела, и посвящено последующее изложение, которое будет предварено кратким экскурсом в теорию.

---

¹ Подробнее о разночтениях в оценке демографических потерь в революционной России см.: [Андреев, Дарский, Харькова; Поляков, 1986; 1994; Степанов; Население России]. В научной литературе довольно часто встречается и оценка потерь в 25–26 млн чел. [см., напр.: Пайпс, 1997, с. 602].

«Вопросы жизни и смерти» как факторы движения населения

В последние десятилетия в социальных и гуманитарных дисциплинах наметился «пространственный поворот», сторонники которого проводят границу между географически фиксируемой территорией и социально конструируемым пространством². Согласно новой интерпретации, пространство изменчиво и является плодом человеческой деятельности³. Сама человеческая деятельность по организации пространства интерпретируется в последние годы как его важная составляющая. Так, экономист Дитер Леппле относит к компонентам пространства четыре феномена. Во-первых, это материальный субстрат — измененная человеческими усилиями природа, социальные объекты, материальные артефакты и сами люди. Во-вторых, властные отношения, правила и нормы, формы собственности, влияющие на организацию пространства. В-третьих, человеческая практика по овладению и использованию пространства. Наконец, в-четвертых, символическое кодирование пространства, его репрезентация и восприятие [Läpple]. Использование в историческом исследовании социально-конструктивистского подхода позволяет видеть в социальной организации пространства не только отражение политических реалий и конкретно-исторической прагматики, но и символическое наполнение. Пространственное оформление жизни обществ, в том числе и его демографическая составляющая как одна из практик преобразования пространства⁴, становится значимым воплощением культурно-ментальных процессов, представлений исторических акторов о себе, о культурно близком и чужом, о прошлом, настоящем и будущем.

Среди факторов, определявших движение населения в русской революции и Гражданской войне, как факторы преобразования пространства следует выделить, во-первых, связанные с рождаемостью и (естественной и насильственной) смертностью и, во-вторых, с (вынужденными) передвижениями внутри страны и за ее пределы. Хотя обе группы факторов были тесно взаимосвязаны, целесообразно представить их ниже порознь, чтобы попытаться определить место миграций в демографическом движении населения и их роль в русской революции.

Связанные с революцией и Гражданской войной условия повышенных рисков и материальной нужды неблагоприятно сказались на соотношении рождаемости и смертности в бывшей Российской империи. Общий коэффициент рождаемости в России в 1920 г. опустился до 36,7 рождений на 1 000 человек, коэффициент смертности поднялся до 45,2, вследствие чего естественная убыль населения составила 833 тыс. человек, демонстрируя классический случай демографической катастрофы. В 1921 г., несмотря на незначительный естественный

² Российская социология в сфере исследования пространства оказалась среди отставших. Характерно, что в теоретическом труде, специально посвященном социологии пространства, А. Ф. Филиппов пришел к осторожному выводу, что «такая дисциплина возможна» [Филиппов, с. 359].

³ Компактный обзор этого подхода см.: [Шенк, с. 14–19]. Библиографию социологических подходов к изучению пространства, отражающую уровень научного осмысления феномена см.: [Филиппов, с. 267–283].

⁴ Библиографию современного состояния изучения миграций см.: [Коллиер, с. 376–382].

прирост населения, общий его рост также имел отрицательные показатели из-за миграционных потерь. Лишь в 1923 г. наметился значительный естественный прирост населения — почти 2,5 млн человек. Ожидаемая продолжительность жизни в России в 1920 г. колебалась вокруг отметки 20 лет (19,5 лет у мужчин и 21,5 года у женщин). В последующие годы она начала увеличиваться, достигнув в 1923 г. 33,6 лет (31,5 у мужчин и 35,8 лет у женщин). Столь низкая средняя продолжительность жизни объясняется катастрофически высоким коэффициентом младенческой смертности, который в 1920–1923 гг. снизился с 251 до 229 смертей на 1 000 младенцев. Количество детей до 5 лет с 1920 по 1922 г. сократилось более чем на 0,5 млн, в возрасте 5–9 лет — почти на 2 млн человек. Значительно сократилось также количество пожилых людей старше 65 лет [см.: Андреев, Дарский, Харьков, с. 11, 14, 121–122, 125; Население России в XX веке, с. 83–143].

Центральными причинами катастрофической физической убыли населения были насильственная смерть вследствие боевых действий и террора 1917–1920 гг. (до 4 млн человек), массовых эпидемий 1918–1922 гг. (3 млн человек) и голода 1921–1922 гг. (до 6 млн человек). В 1917–1922 гг. в России от эпидемических заболеваний умерло примерно столько же, сколько на полях сражений Гражданской войны и в полтора раза больше, чем в Первой мировой войне, при анализе последствий которой специалисты по гигиене питания — свидетели событий — приходили к неутешительному выводу: «Колоссальные размеры бедствий, причиненных войной народному здоровью и санитарному состоянию страны, не могут быть целиком учтены сейчас имеющимися данными. Тяжкие последствия катастрофы будут изживаться возрождающейся страной еще в течение десятков лет» [Биншток, Каминский, с. 86].

К периоду революции и Гражданской войны, «военного коммунизма» и начала нэпа, которые рассматривались очевидцами как естественное продолжение и следствие Первой мировой войны, этот вердикт компетентного современника приложим тем более: эпидемии в период революционно-военных катаклизмов превратились в бедствие пандемического масштаба. Небывалый размах этого сложного социально-биологического явления в охваченной революцией стране объясняется резким ухудшением условий существования, которые устранили барьеры для бесперебойной работы механизмов передачи заразных болезней. Основные пути их распространения — водный, пищевой и контактно-бытовой — оказались открытыми для массовых вспышек многих заболеваний. Эпидемии стали следствием совокупного эффекта следующих факторов: разрушения несовершенных систем водопровода и канализации, ухудшения бактериологических показателей воды; архаичной и неприемлемой в городских центрах санитарной культуры вынужденно мигрирующих низших слоев населения, гонимых войной и голодом; катастрофического ухудшения материального положения, получившего выражение в изменении характера питания и снижении количества потребляемых витаминов, неблагоприятном эмоциональном фоне и высокой концентрации стрессовых ситуаций, топливном кризисе и разрушении жилищного

фонда, нехватке одежды и обуви (что повышало шансы перегрева или переохлаждения) [см.: Ющук, Мартынов, с. 9–14, 130, 135, 261].

Голод 1921–1922 гг. (в некоторых регионах – 1919–1923 гг.) усугубил негативные тенденции в движении населения в революционной России. Врачи того времени, наблюдавшие ежедневно массовые смерти, четко различали смерть на почве голода (к ней относилась смерть от тифа, дизентерии и цинги, которые подстерегали ослабленный голодом организм) и смерть от голода, наступившую от длительного отсутствия пищи, в результате чего тело человека сначала отекало, а затем усыхало, превращаясь в скелет, обтянутый кожей. Первый советский массовый голод может рассматриваться как один из факторов, положивших конец массовому сопротивлению сельских жителей новому режиму и тем самым — революционным и военным событиям 1917–1921 гг. [см.: Нарский, 2001а, с. 350–366, 497–505].

Миграционные потоки и их последствия

Миграционные потоки были второй ключевой составляющей движения населения в воюющей и революционной России. До 35 млн жителей бывшая Российская империя потеряла за счет отпадения территорий и бегства / изгнания населения из страны. Эмиграция, особенно представителей бывших привилегированных слоев дореволюционного общества, привела к возникновению нескольких миграционных центров в Европе и США (Берлин, Прага, Париж, Нью-Йорк), ставших средоточиями «русской культуры в изгнании», которая, в свою очередь оказала существенное влияние на «западную» культуру, в том числе и на научные и художественные интерпретации русской революции [см.: Население России в XX веке, с. 134–142]. В этой связи история «исхода» из России 3 млн (бывших) подданных династии Романовых в 1914–1922 гг. исследована более систематично и известна значительно лучше, чем внутренние миграционные потоки в революционной России. Среди последних следует выделить следующие: движения армий (включая тыловые гарнизоны и контингенты военнопленных) и сопровождавшее их беженство, а также перемещения населения между городом и деревней, включая мешочничество и бегство из деревни в город ради спасения от голода, а также межрегиональные движения горожан и особенно крестьян в поисках урожайных, «сытых» земель.

Русская революция сопровождалась боевыми действиями Гражданской войны 1917–1921 гг. (включая повстанческие движения русских и нерусских крестьян и казаков 1918–1921 гг.). Гражданская война отличалась от Первой мировой маневренным характером, подвижностью и размытостью фронтовых линий, большей ролью кавалерии, рукопашного боя и опыта персонального и непосредственного убийства противника⁵. Повышенная мобильность армий

---

⁵ Подробнее о специфике боевых действий в условиях Гражданской войны в России см.: [Веугац; Нарский, 2014].

вызвала многократные локальные, региональные и квазиобщероссийские наступления противников большевистского режима из периферийных регионов бывшей империи и контрнаступление Красной армии с разной степенью успеха. Это привело к многократной смене власти во многих, преимущественно окраинных частях страны. Смене власти предшествовал приход армейских соединений победителей и отход вооруженных формирований побежденных, в обозе которых часто находились беженцы, лояльные прежнему режиму и потому ожидавшие неприятностей от новой власти. Смена властей сопровождалась также пленением, лишением свободы передвижения или, напротив, принудительным перемещением значительного количества лиц, находившихся на военной или гражданской службе у свергнутого режима.

В результате в Европейской России обнаруживаются как минимум три зоны, в которых частотность смены власти в 1917–1920 гг. принципиально различалась [Нарский, 2001а, с. 45–46, 574–576]. В первой из них, охватывавшей примерно половину из 46 губерний, население испытало смену правителей лишь дважды — весной и осенью 1917 г. Реже власть сменялась трижды, если ее переходу к большевикам предшествовало относительно длительное пребывание у руля управления промежуточных режимов, оставшихся верными свергнутому Временному правительству или Советам, которые выступили против единовластия большевиков. Такая модель смены власти была характерна для Центральной и Северо-Западной России, части Поволжья, Русского Севера. Во второй зоне переходы власти осуществлялись от четырех до семи раз. В этих уголках провинциальной России население в 1918–1919 гг. пережило один или два прихода «белых» и их изгнание «красными». По такой схеме события развивались в 15 преимущественно русских по составу губерниях: на границе с Украиной, в большей части Новороссии, в нескольких губерниях Поволжья и Урала. Наконец, третья зона отличалась наиболее частой сменой власти. Она охватывала 9 губерний: почти всю Украину и западный кусок Новороссии — регион, в котором сложно переплелись интересы Советов, оккупационных властей Германии, украинских националистов, казачьей и крестьянской вольницы. Следствием сложной расстановки сил стали сменявшие друг друга волны «освободителей». Эпицентром катастрофы на юго-западной периферии бывшей Российской империи стал Киев. Он лидировал по количеству смен власти в 1917–1920 гг.: оно достигало рекордной цифры — четырнадцать переходов города из рук в руки за четыре года. Смена власти в старинном, ранее цветущем городе стала для его жителей частью их горьких будней, в которых все перемешалось настолько, что обыденное сознание было неспособно восстановить очередность происшедших трагических событий⁶.

---

⁶ М. А. Булгаков, который потрясения 1917–1919 гг. пережил в Киеве, спустя четыре года писал:

Пока что можно сказать одно: по счету киевлян у них было восемнадцать переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их двенадцать; я точно могу сообщить, что их было четырнадцать, причем десять из них я лично пережил. <...>

Важным миграционным феноменом русской революции и Гражданской войны было перемещение населения из городов в сельскую местность и наоборот. Между 1917 и 1920 г. из городов бежало, спасаясь от голода и террора властей, около 5 млн человек, преимущественно из состава 6 млн молодых горожан, переселившихся из сельской местности во время Первой мировой войны. Столицы потеряли от трети до половины своих жителей. В 24 из 77 губерний, в которых были проведены переписи 28 августа 1920 г. и 15 марта 1923 г., городское население за это время еще более сократилось [Андреев, Дарский, Харькова, с. 10].

Еще большего размаха, чем бегство горожан от голода в деревню, достигло массовое курсирование горожан и крестьян между городами и сельской местностью, называвшееся в революционной России «мешочничеством» и «спекуляцией»⁷. Революция и Гражданская война стали временем лихорадочной торговой активности населения, вынужденного взять в свои руки обеспечение себя самым необходимым. В условиях размыwania рынка продовольствия и предметов массового спроса, обесценивания денег, нежизнеспособности централизованных распределительных систем, падения авторитета власти к торговле обратились все слои населения — взрослые и дети, интеллигенты и обыватели, солдаты и рабочие, представители бывшей и новой элиты, горожане и сельские жители. Главным вожаемым предметом приобретения становились крестьянские продукты питания, которые, в условиях малоуспешного эксперимента советской власти по централизации снабжения городского населения продовольствием в 1918–1920 гг., горожане были вынуждены искать в деревне самостоятельно, а крестьяне — доставлять в города незаконно, с риском для имущества и жизни.

До осени 1917 г. развитие «спекуляции» сдерживалось относительной насыщенностью рынка и свободной торговлей, контролирующей активностью жителей и моральным неприятием этого явления в широких слоях населения. Термин «спекуляция» использовался как синоним «наживы» и нес негативную оценочную нагрузку. Первая волна массового мешочничества из Центральной России и Поволжья на Урал и в Западную Сибирь в октябре-ноябре 1917 г. позволяет предположить, что в сознании населения Центральной России к этому времени произошел серьезный сдвиг: «спекуляция» перестала казаться чем-то зазорным и порочным. Это предположение подтверждается многочисленными свидетельствами современников, которые пока еще относились к массовой коммерциализации с осуждением. Как констатировал с горечью один из них в конце 1917 г., «...спекуляция одерживает самую крупную, самую блестящую победу над умами

Достаточно припомнить: немцы, железные немцы в тазах на головах, явились в Киев с фельдмаршалом Эйхгорном и великолепными, туго завязанными обозными фурами. Уехали они без фельдмаршала и без фур, и даже без пулеметов. Все отняли у них разъяренные крестьяне.

Рекорд побил знаменитый бухгалтер, впоследствии служащий союза городов Семен Васильич Петлюра. Четыре раза он являлся в Киев, и четыре раза его выгоняли [Булгаков, 1923].

⁷ О продовольственной политике в годы революции и Гражданской войны, а также о реакции на нее со стороны населения см.: [Павлюченко; Кабанов; Давыдов].

широких слоев населения. На спекуляцию уже многие, я сказал бы, большинство, смотрят, как на законное явление...» [Народовластие, 1917, № 17, с. 17].

В середине 1918 г. население городов в зоне большевистского господства покупало у частных нелегальных торговцев от 70 до 90 % потребляемого продовольствия. В свою очередь, в связи с угрожающим продовольственной политике властей распространением самостоятельной торговли в мае 1918 г. постановление ВЦИК объявило мешочников и крестьян, продающих им продукты, врагами народа. Однако регулярные запреты не только «красных», но и «белых» властей не в силах были побороть народную коммерческую инициативу и форму самоорганизации для борьбы с голодом. Масштабы мешочничества значительно превосходили возможности государственного контроля. Непоследовательность советской государственной политики в отношении мешочников, многократная разница в ценах, особенно в приграничье «красных» и «белых» территорий, соседство регионов со свободной торговлей и твердыми, значительно более низкими ценами, — все это придавало мешочничеству в 1918–1920 гг. устойчивый характер. Если первоначально преобладало мешочничество профессиональное и организованное — групповое и ориентированное на торговлю, то в 1920 г. оно было потеснено потребителями-одиночками, ищущими продукты питания для себя. Их сила была не в организованности, а в необозримом и не поддающемся контролю обилии. «Мешочничество» стало одной из самых масштабных и успешных в революционной России миграционных практик населения.

Голодная катастрофа первого года нэпа вновь подняла миграционные волны, превышавшие, видимо, масштабы времен Гражданской войны⁸. Города оказались переполнены голодными, грязными, завшивленными, больными, бездомными и беспомощными беженцами, значительная часть которых была обречена на смерть на городской улице. Санитарное состояние городов упало до беспрецедентно низкой отметки⁹.

Из скученности жителей, высокой концентрации пришлого гражданского населения и воинских контингентов следует повышенная нагрузка на городскую жизнь, но отнюдь не вытекает неизбежное ухудшение санитарного состояния городов. Оно зависело, главным образом, от того, каков был культурный облик гражданского и военного пополнения городских жителей. Историки и социологи пользуются терминами «окрестьянивание», «рурализация», «архаизация» для описания политических и социальных трансформаций советского государственного порядка и структуры общества в Советской России и СССР [Lewin; Вишневский]. Массовая восходящая мобильность выходцев из крестьянской среды, восхождение сельских жителей к вершинам новой элиты достойно, однако, рассмотрения не только в социально-политической, но и в культурной перспективе. Разрушение городских санитарно-гигиенических стандартов в революционной России позволительно интерпретировать как воплощение культурного

⁸ О первом голоде в Советской России см.: [Patenaude; Хмелевская; Федотова, Федорова; Усманов].

⁹ О санитарном состоянии городов в годы революции на примере Урала см.: [Нарский, 20016].

«окрестьянивания» российского города. Вчерашний крестьянин, будь он одет в деревенский армяк, солдатскую шинель, унтер-офицерский мундир, рабочую тужурку, кожанку чекиста или ответственного советского работника, приносил в город привычки сельского быта, культура гигиены которого находилась на самом низком уровне. Обитатели русской деревни не брезговали пользоваться водой сомнительного уровня чистоты. Крестьяне пили из водоемов, в которые заходил домашний скот. Берега рек, озер и прудов были превращены в свалки мусора и даже трупов домашних животных. «Нужников» не знали вплоть до 1930-х гг. даже в относительно процветающей и чистоплотной казачьей станице, отправляя естественные потребности в хлев, который, правда, прилежный хозяин ежедневно чистил.

Жизнь в серых декорациях «окрестьяненного» быта ознаменовала торжество обезличенного, «серенького» человека с минимизированными, неприятными потребностями, запросами и ожиданиями. Пропагандисты сближения с народом и «опрощения» из рядов дореволюционной русской интеллигенции, несомненно, ужаснулись бы, увидев плоды реализации своих призывов в ранней Советской России. В обстановке революционной катастрофы оказались востребованными культурные коды сельского сословия, которое всего за два поколения до этого пребывало в состоянии гражданской недееспособности, — психология неполноправия, уничижительное отношение к человеческой личности и самой жизни, готовность унижать и унижаться, применять насилие и покорно сносить его.

Резкого притока бывших сельских жителей, начавшегося после освобождения крестьян от крепостной зависимости в 1861 г. и особенно усилившегося во время индустриализации Российской империи на рубеже XIX–XX вв. и в годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, город не выдержал. Он оказался во власти людей, которые, пользуясь словами классика, «...вообще отстав в развитии от европейцев лет на двести, до сих пор еще не совсем уверенно застегивают собственные штаны» [Булгаков, 1997, с. 408].

Бегство крестьян от голода 1921–1922 гг. из деревни в города и более урожайные местности сопровождалось значительно большими людскими потерями, чем мешочничество. Оно протекало в формах, традиционных для неурожайных годов, регулярно повторявшихся в крестьянской повседневности. Главы и взрослые здоровые члены семей мужского пола покидали деревню в поиске заработков на стороне, дети и старики уходили просить милостыню. Традиционными направлениями «голодной миграции» из европейской России были восток и юг. Для присмотра за хозяйством оставались одни женщины. Стихийная миграция крестьян с целью пережить голод приняла, однако, в 1921–1922 гг., беспрецедентные масштабы. Крестьяне снимались с места целыми селениями, бросив дома или, в случае удачи, обменяв их на продовольствие. По деревням, из волости в волость, тянулись, преодолевая иногда сотни верст, вереницы нищих по 30–40 человек, прося хлеба. Неспособных к нищенству и потому обреченных на голодную смерть малолетних детей крестьяне приводили в государственные

приюты с просьбой взять их на содержание. Поскольку за недостатком мест устроить детей чаще всего не удавалось, наблюдалось массовое подкидывание детей в приюты и прочие государственные учреждения. Насколько ненадежным источником выживания была крестьянская миграция ради спасения от голода, свидетельствуют до 6 млн голодных смертей в 1921–1922 гг.

Способы передвижения во время революции и Гражданской войны пережили существенные перемены. Железной дороге на первом году революции была уготована особая роль в ее распространении из столиц в провинции. По мнению современника и активного участника революционных событий, А. И. Деникина, уральская и сибирская почва была неблагоприятна для большевизма, который распространялся «...главным образом от центра к периферии чисто механическим путем, вдоль железнодорожных магистралей. Его заносила главным образом волна солдат, отчасти казаков, хлынувших с фронта...» [Деникин, с. 155].

Однако этим роль железнодорожной сети не исчерпывалась. Железная дорога, которая в поздней Российской империи стала главным каналом миграции, особенно организованной крестьянской [Шенк], сохраняла важное значение при перемещениях на большие расстояния, но подверглась характерной архаизации. Разрушение транспортной сети и подвижного состава в годы революции, особенно в эпицентрах Гражданской войны, изменения в организации перевозок (включая отмену классности в годы «военного коммунизма»), «демократизация» состава пассажиров (основной контингент составляли «мешочники») привели к катастрофическому понижению железнодорожного сервиса. В начале 1920-х гг. люди передвигались по железной дороге в условиях, непригодных для перевозки скота: вагоны для пассажиров, несмотря на дороговизну билетов, представляли собой теплушки без нар: люди сидели и лежали на заплыванном полу, проходившие переступали через них.

Вокзалы и поезда стали местами наибольшей концентрации преступности. Газеты на протяжении революции непрестанно предостерегали читателей от появления без острой необходимости в районе железнодорожных станций. Симптоматично, что вокзалы и вагоны-теплушки, наряду с продуктовой очередью, музеем и субботником, превратились в важные пункты коммуникативной сети, особенно в зонах боевых действий Гражданской войны. В «зону создания легенд» (М. Блок) и «кризисную сеть» (Т. Б. Щепанская) железную дорогу превращали соприкосновения с подвижными и проницаемыми фронтовыми линиями, разрушения границ между фронтом и тылом, эскалация тотального дефицита на продукты питания и предметы массового спроса, массовое мешочничество¹⁰.

Вместе с тем, вновь востребованными в массовом масштабе стали домодерные способы передвижения: пешие одиночки и группы, в которые объединялись (преимущественно сельские) нищие; гужевые переезды всей (чаще крестьянской) семьей, снявшейся с насиженных мест и бегущей от войны, террора,

¹⁰ Подробнее о слухах в экстремальных ситуациях см.: [Bloch; Щепанская; Смит, с. 284]. О слухах в русской революции на примере Урала см.: [Нарский, 2011].

и голода; миграции в обозе отступающей армии. Массовый вынужденный переход к (полу)кочевому образу жизни был невозможен без примитивизации средств передвижения.

Таким образом, миграционные практики были важной составной частью движения населения в русской революции и Гражданской войне, сыграв в них амбивалентную роль. Массовое перманентное перемещение вооруженных объединений обеспечивало многократную смену политических режимов в отдельных регионах бывшей Российской империи и порождало политический хаос и падение авторитета всякой власти, ставшие характерными признаками того периода. Массовые хаотичные миграционные потоки приводили к скоплению неустроенных групп населения в городских центрах, осложняли гигиеническую и эпидемическую ситуацию в городах, блокировали государственные эксперименты в области продовольственной политики, торговли и распределения. Вместе с тем, миграционные практики были наиболее цивилизованным способом решения насущных проблем – обеспечения продовольствием городского населения в условиях распада вольного рынка, выживания сельского населения в условиях brutальной государственной реквизиционной политики и массовых неурожаев. Эти практики в значительной степени опирались на богатый прежний опыт широких слоев населения и позволяли им, таким образом, и в экстраординарных условиях революции и Гражданской войны оставаться в рамках собственной культуры. Вместе с тем, разразившаяся в революционной России демографическая катастрофа и рост удельного веса населения, выброшенного на обочину, свидетельствуют об ограниченном успехе миграционных практик населения в годы русской революции.

Источники

Булгаков М. А. Киев-Город [Электронный ресурс] // Накануне (Берлин). 1923. 6 июля. URL: <http://lib.ru/BULGAKOW/kyev.txt> (дата обращения: 24.06.2018).

Булгаков М. А. Собачье сердце // Булгаков М. А. Избр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. ; СПб. : Литература-Кристалл, 1997.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. М. : Мысль, 1991.

Народовластие. 1917. №. 17. С. 17.

Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. Вильнюс : Вага, 1988. Кн. 1.

Исследования

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза. 1922–1991. М. : Наука, 1993.

Биништок В. И., Каминский Л. С. Народное питание и народное здоровье. М. ; Л. : Госиздат, 1929.

Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. : ОГИ, 1998.

Давыдов А. Ю. Мешочники и диктатура в России. 1917–1921 гг. СПб. : Алетейя, 2007.

Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М. : Наука, 1998.

Коллиер П. Как миграция изменяет наш мир. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001а.

Нарский И. В. Канализация хаоса и хаос в канализации: санитарно-гигиеническое состояние уральских городов в 1917–1922 гг. // Человек и война (Война как явление культуры) / [под редкол.: И. В. Нарского, О. Ю. Никоновой]. М. : АИРО-XX, 2001б. С. 238–265.

Нарский И. В. Как коммунист черта расстрелять хотел: апокалипсические слухи на Урале в годы революции и Гражданской войны // Слухи в России XIX–XX веков: Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории / ред. И. В. Нарский, О. С. Нагорная, О. Ю. Никонова и др. Челябинск : Каменный пояс, 2011. С. 233–255.

Нарский И. В. Первая мировая и Гражданская войны как учебный процесс: Военизация жизненных миров в провинциальной России (Урал в 1914–1921 годах) // Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох / ред. К. Бруиш, Н. Катцер. М. : НЛЮ, 2014. С. 179–201.

Население России в XX веке: исторические очерки : в 3 т. Т. 1 : 1900–1939 / [отв. ред. Ю. А. Поляков]. М. : РОССПЭН, 2000.

Павлюченко С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М. : РКТ-история, 1997.

Пайтс Р. Россия при старом режиме. М. : Независимая газета, 1993.

Пайтс Р. Россия при большевиках. М. : РОССПЭН, 1997.

Поляков Ю. А. Советская страна после окончания гражданской войны. Территория и население. М. : Наука, 1986.

Поляков Ю. А. Гражданская война: взгляд сквозь годы // Гражданская война в России: перекресток мнений / [отв. ред. Ю. А. Поляков, Ю. И. Игрицкий]. М. : Наука, 1994. С. 277–290.

Смит С. Небесные письма и рассказы о лесе: «суеверия» против большевизма // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 280–306.

Степанов А. И. Психогенетические и этнокультурные последствия массового террора 1917–1922 гг. // Революция и человек: социально-психологический аспект [материалы конф., 28–30 нояб. 1994 г. / редкол.: П. В. Волобуев (отв. ред.) и др.]. М. : Наука, 1996.

Урманов Н. В. Американская администрация помощи на Урале (1921–1923 гг.). Уфа : РИЦ БашГУ, 2015.

Федотова А. Ю., Федорова Н. А. Помощь голодающему населению ТАССР советскими и иностранными организациями в 1921–1923 гг. Казань : ИИЦ УДП РТ, 2013.

Филитов А. Ф. Социология пространства. СПб. : Владимир Даль, 2008.

Хмельевская Ю. Ю. Миссия выполнима? Американская филантропия против первого советского голода (к 90-летию начала деятельности Американской администрации помощи на Урале, 1921–1923 гг.) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». 2011. № 3 (17). С. 65–74.

Шенк Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М. : НЛЮ, 2016.

Щепанская Т. Б. «Кризисная сеть» (Традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп / [отв. ред. Т. А. Бернштам]. СПб. : МАЭ РАН, РФФИ, 1995. С. 110–176.

Ющук Н. Д., Мартынов Ю. В. Эпидемиология. М. : Медицина, 1993.

Beysrau D. Der Erste Weltkrieg als Bewährungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem „imperialistischen“ Krieg // Journal of Modern European History. 2003. 1. S. 96–123.

Bloch M. Réflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre // Bloch M. Mélanges historiques. Vol. 1. Paris : SEVPEN, 1963. P. 41–57.

Läpple D. Essay über den Raum // Stadt und Raum. Soziologische Analysen / Hg. H. Häußermann u.a. Pfaffenweiler : Centavrus, 1991. S. 157–207.

Lewin M. The making of Soviet System. New York : Methuen, 1985.

Patenaude B. The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921. Stanford : Stanford Univ. Press, 2002.

References

- Andreyev, E. M., Darsky, L. E., & Khar'kova, T. L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soiuza. 1922–1991* [The Population of the Soviet Union. 1922–1991]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Beyrau, D. (2003). Der Erste Weltkrieg als Bewährungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem „imperialistischen“ Krieg. *Journal of Modern European History*, 1, 96–123. (In German)
- Bingshtok, V. I., Kaminsky, L. S. (1929). *Narodnoe pitanie i narodnoe zdravie* [The Public's Food and the Public's Health]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. (In Russian)
- Bloch, M. (1963). Rêflexions d'un historien sur les fausses nouvelles de la guerre. In M. Bloch, *Mélanges historiques* (Vol. 1, pp. 41–57). Paris: SEVPEN. (In French)
- Collier, P. (2016). *Kak migratsiia izmeniaet nash mir* [How Migration Changes Our World]. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russian)
- Davydov, A. Yu. (2007). Meshochniki i diktatura v Rossii. 1917–1921 gg. [Profiteers and Dictatorship in Russia. 1917–1921]. St Petersburg: Aleteia. (In Russian)
- Fedotova, A. Yu., & Fedorova, N. A. (2013). *Pomoshch' golodaiushchemu naseleniiu TASSR sovetскими i inostrannymi organizatsiiami v 1921–1923 gg.* [Aid to the Starving Population of TASSR by Soviet and Foreign Organisations in 1921–1923]. Kazan: IITs UDP RT. (In Russian)
- Filippov, A. F. (2008). *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of Space]. St Petersburg: Vladimir Dal. (In Russian)
- Kabanov, V. V. (1992). *Krestianskoe khoziaistvo v usloviakh voennogo kommunizma* [Peasant Farming in the Conditions of War Communism]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Khmelevskaya, Yu. Yu. (2011). Missiia vypolnima? Amerikanskaia filantropiia protiv pervogo sovetskogo goloda (k 90-letiiu nachala Amerikanskoi organizatsii pomoshchi na Urale, 1921–1923 gg.) [The Mission is Possible? American Philanthropy against the First Soviet Famine (For the 90th Anniversary of the Beginning of the American Organisation of Aid in the Urals, 1921–1923)]. *Vestnik Permskogo gosuniversiteta. Seriya "Istoriia"*, 3 (17), 65–74. (In Russian)
- Läpple, D. (1991). Essay über den Raum. In H. Häußermann u.a. (Ed.), *Stadt und Raum. Soziologische Analysen* (pp. 157–207). Pfaffenweiler: Centavrus. (In German)
- Lewin, M. (1985). *The Making of Soviet System*. New York: Methuen.
- Narsky, I. V. (2001a). Kanalizatsiia khaosa i khaos v kanalizatsii: sanitarno-gigienicheskoe sostoianie ural'skikh gorodov v 1917–1922 gg. [The Sewage of Chaos and Chaos in the Sewage: The Sanitary and Hygienic Condition of the Ural Towns in 1917–1922]. In I. V. Narsky, & O. Yu. Nikonova (Eds.), *Chelovek i voina (Voina kak iazvenie kul'tury)* [Man and War (War as a Cultural Phenomenon)] (pp. 238–265). Moscow: AIRO-XX. (In Russian)
- Narsky, I. V. (2001b). *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniia Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Catastrophe: The Everyday Life of the Urals between 1917 and 1922]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Narsky, I. V. (2011). Kak communist cherta rasstreliat' khotel: apokalipticheskie slukhi na Urale v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voiny [How a Communist Wanted to Shoot the Devil: Apocalyptic Rumours in the Urals during the Revolution and the Civil War]. In I. V. Narsky, O. S. Nagornaya, & O. Yu. Nikonova et al. (Eds.), *Slukhi v Rossii XIX–XX vekov: Neformal'naia kommunikatsiia i "krutye povoroty" rossiiskoi istorii* [Rumours in the Russia of the 19th–20th Centuries: Informal Communication and "Tight Bends" of Russian History] (pp. 233–255). Chelyabinsk: Kamennyi poias. (In Russian)
- Narsky, I. V. (2014). Pervaia mirovaia i Grazhdanskaia voiny kak uchebnyi protsess: Voenizatsiia zhiznennykh mirov v provintsial'noi Rossii (Ural v 1914–1921 godakh) [The First World War and the Civil War as an Educational Process: The Militarisation of Vital Worlds in Provincial Russia (The Urals in 1914–1921)]. In K. Bruisch, N. Katzer (Eds.), *Bol'shaia voina Rossii: Sotsial'nyi poriadok, publichaia kommunikatsiia i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetskoi epoch* [The Great War of Russia: Social Order, Public Communication, and Violence at the Turn of the Tsarist and Soviet Eras] (pp. 179–201). Moscow: NLO. (In Russian)
- Patenaude, B. (2002). *The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford: Stanford University Press.

- Pavlyuchenko, S. A. (1997). *Voennyyi kommunizm v Rossii: vlast' i massy* [Military Communism in Russia: Power and the Masses]. Moscow: RKT-istoriia. (In Russian)
- Pipes, R. (1993). *Rossii pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow: Nezavisimaya gazeta. (In Russian)
- Pipes, R. (1997). *Rossii pri bol'shevikakh* [Russia under Bolsheviks]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Polyakov, Yu. A. (1986). *Sovetskaia strana posle okonchaniia grazhdanskoi voiny. Territoria i naselenie* [The Soviet Country after the End of the Civil War. Territory and Population]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Polyakov, Yu. A. (1994). *Grazhdanskaia voina: vzgliad skvoz' gody* [The Civil War: A Look through the Years]. In Yu. A. Polyakov, & Yu. I. Igritsky (Eds.), *Grazhdanskaia voina v Rossii: perekrestok mnenii* [The Civil War in Russia: A Crossroads of Opinions] (pp. 277–290). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Polyakov, Yu. A. (Ed.). (2000). *Naselenie Rossii v XX veke: istoricheskie ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays] (Vols. 1–3). (Vol. 1: 1900–1939). Moscow: ROSSPEN. (In Russian)
- Smith, S. (2005). *Nebesnye pis'mena i rasskazy o lese: "sueverii" protiv bol'shevikov* [Heavenly Letters and Tales about the Forest: "Superstitions" against Bolsheviks]. *Antropologicheskii forum*, 3, 280–306. (In Russian)
- Stepanov, A. I. (1996). *Psikhogeneticheskie i etnokol'turnye posledstviia massovogo terrora 1917–1922 gg.* [The Psychogenetic and Ethnocultural Consequences of Mass Terror in 1917–1922]. In P. V. Volobuyev (Ed.), *Revoliutsiia i chelovek: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt* [Revolution and Man: The Socio-psychological Aspect] (pp. 201–222). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Schenk, B. (2016). *Poezd v sovremennost'. Mobil'nost' i sotsial'noe prostranstvo Rossii v vek zheleznikh dorog* [The Train to Modernity. Mobility and the Social Space of Russia in the Age of Railways]. Moscow: NLO. (In Russian)
- Shchepanskaya, T. B. (1995). "Krizisnaia set'" (Traditsii dukhovnogo osvoiniia prostranstva) ["Crisis Network" (Traditions of the Spiritual Development of Space)]. In T. A. Bernstam (Ed.), *Russkii Sever: k probleme lokal'nykh grupp* [The Russian North: On the Issue of Local Groups] (pp. 110–176). St Petersburg: MAE RAN, RFFI. (In Russian)
- Usmanov, N. V. (2015). *Amerikanskaia administratsiia pomoshchi na Urale (1921–1923 gg.)* [American Aid Administration in the Urals (1921–1923)]. Ufa: RITs BashGU. (In Russian)
- Vishnevsky, A. G. (1998). *Serp i rubl': konservativnaia modernizatsiia v SSSR* [The Snake and the Rouble: Conservative Modernisation in the USSR]. Moscow: OGI. (In Russian)
- Yushchuk, N. D., & Martynov, Yu. V. (1993). *Epidemiologiia* [Epidemiology]. Moscow: Meditsina. (In Russian)

Нарский Игорь Владимирович

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории
Южно-Уральский государственный
университет (национальный
исследовательский университет)
454080, Челябинск, пр. Ленина, 76
E-mail: inarsky@mail.ru

Narsky, Igor Vladimirovich

Dr. Hab. (History), Professor
Department of History
South Ural State University
(National Research University)
76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russia
Email: inarsky@mail.ru
Scopus ID: 36508910100